

DOI: 10.15593/perm.kipf/2021.3.02

УДК 17.023

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО В СИСТЕМЕ ПЕРВЫХ ПРИНЦИПОВ МОРАЛИ ТОМАСА РИДА

О.В. Артемьева

Институт философии РАН, Москва, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 21 июля 2021 г.
Принята: 08 сентября 2021 г.
Опубликована: 10 ноября 2021 г.

Ключевые слова:

Томас Рид, Золотое правило, первые принципы морали, беспристрастность, универсальность, мораль, этика, Новое время.

АННОТАЦИЯ

В Новое время Золотое правило, классическая формулировка которого содержится в Нагорной проповеди Мф. 7:12, оказывается предметом обсуждения в ряде морально-философских учений в качестве специфически нравственного концепта, частично или полностью выражающего нормативный смысл морали. Именно в Новое время правило обретает свое название Золотого. В статье нововременное осмысление Золотого правила рассмотрено на примере этики Томаса Рида, который включил формулу правила в число первых принципов морали, т.е. самоочевидных принципов, которые конституируют моральное мышление, определяют моральное рассуждение, из которых выводится вся система моральных обязанностей, и любой человек, который стремится понять, в чем состоит его долг в конкретных обстоятельствах, опираясь на них, может это сделать. Основное назначение Золотого правила Рид видел в том, что его применение позволяет преодолеть пристрастность индивида к самому себе и предубежденность против других – того, что оказывается разрушительным для человеческих отношений. Золотое правило он рассматривает как правило беспристрастности. В статье показано, что особое место, которое Рид отвел Золотому правилу в системе первых принципов, определялось тем, что 1) лишь Золотое правило Рид представил как правило Божественного учителя и осенил авторитетом закона и пророков; 2) он охарактеризовал правило как «самое всеобъемлющее», т.е. распространяющее свое действие на все возможные отношения между людьми – равные и неравные, в том числе и на отношении человека к самому себе, и все виды обязанностей (в отношении себя и других, совершенные и несовершенные). В статье делается вывод, что Рид представил формулу Золотого правила как выражение всего нормативного содержания морали. Поэтому, хотя он и не выстраивает иерархии первых принципов, Золотое правило по самой логике Рида в его системе оказывается высшим.

© ПНИПУ

© **Артемьева Ольга Владимировна** – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора этики, e-mail: o_artemyeva@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8266-8730>

© **Olga V. Artemyeva** – Candidate of Sciences in Philosophy, Senior Researcher, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8266-8730>, e-mail: o_artemyeva@mail.ru.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

THE GOLDEN RULE IN THOMAS REID'S SYSTEM OF FIRST PRINCIPLES OF MORALITY

Olga V. Artemyeva

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 21 July 2021
 Accepted: 08 September 2021
 Published: 10 November 2021

Keywords:

Thomas Reid, The Golden Rule, the first principles of morality, impartiality, universality, morality, ethics, the Modern times.

ABSTRACT

In Modern times, the Golden Rule, the classical formula of which is contained in the Sermon on the Mount Matthew 7:12, is the subject of discussion in a number of moral and philosophical teachings as a specifically moral concept that partially or completely expresses the normative meaning of morality. It is in the Modern times that the rule gets its name of the Golden one. In the article, the modern understanding of the Golden Rule is considered on the basis of the Thomas Reid's ethics, who included the rule formula among the first principles of morality, i.e. self-evident principles that constitute moral thinking, determine moral reasoning, from which the entire system of moral duties is derived, and any person who seeks to understand what his duty is in specific circumstances, based on them, can do this. The main purpose of the Golden Rule, Reid saw in the fact that its application allows you to overcome the individual's partiality for himself and prejudice against others – which turns out to be destructive for human relations. He considers the Golden Rule as the rule of impartiality. The article shows that the special place that Reid assigned to the Golden Rule in the system of first principles was determined by the fact that (1) Reid described only the Golden Rule as the rule of the Divine teacher and overshadowed with the authority of the law and the prophets; (2) he described the rule as "the most comprehensive", i.e. extending its effect to all possible relations between people – equal and unequal, including the relation of a person to himself, and all types of duties (to himself and others, perfect and imperfect). The article concludes that Reid presented the Golden Rule as an expression of the entire normative content of morality. Therefore, although he did not build a hierarchy of first principles, we can conclude that the Golden Rule by the very logic of Reid in his system turns out to be the highest.

© PNRPU

В Новое время идея Золотого правила, известная с древности и выраженная в классической формуле¹ в Нагорной проповеди «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7: 12), критически переосмысливается, перемещается в секулярный контекст. Предлагаются такие трактовки формулы, которые позволяют ее рассматривать как требование, или закон, разума [2, с. 150]. Именно в Новое время *понятие* Золотого правила утверждается в качестве морального, частично или всецело выражающего смысл морали [1, с. 195], именно в Новое время правило обретает название Золотого в работах английских богословов – Джона Гудмана, Джорджа Борастона, Бенджамина Кэмфилда, специально ему посвященных [2, с. 151–155]. Эти авторы называют правило золотым, а Борастон к тому же – Королевским, имея в виду его значение как важнейшего, обладающего высшей ценностью, «венчающего начала морали» [1, с. 202]. По существу, именно в таком качестве представляет Золотое правило Томас Гоббс, рассматривая его как один из естественных законов, а также как обобщение всех естественных законов. Однако не все моральные философы Нового времени, обсуждающие правило, воспринимают его в таком качестве. Джеффри Уотлз считает, что в Новое время Золотое правило как раз переживает драму, связанную с тем, что оно уточняется, ограничивается, как это происходит в этике Сэмюэла Кларка, рассматривающего Золотое правило в качестве принципа, выражающего содержание морали наряду с другими принципами, или вовсе оказывается отброшенным и преодоленным другими принципами, как это происходит в этике Иммануила Канта [2, с. 162–163].

Данная статья посвящена рассмотрению Золотого правила в системе первых принципов Томаса Рида. Задачу установления первых принципов морали Рид считал чрезвычайно важной. Помимо того, что она была связана с прояснением своеобразия и смысла морали, с демонстрацией того, что мораль – это «наука» и ее основу составляют принципы, из которых выводится «все

¹ Обоснование утверждения, что именно формулу Золотого правила в Нагорной проповеди Мф. 7:12 следует считать классической [1, с. 194–195].

моральное рассуждение», ее решение должно было иметь практические следствия. Система первых принципов должна быть выстроена так, чтобы из нее можно было бы вывести всю систему поведения – все обязанности и чтобы такое выведение не требовало бы сложного рассуждения и чтобы «любой здравомыслящий человек», стремящийся знать свой долг, мог его знать [3, p. 276]. Кроме того, практическая или даже дидактическая роль моральной системы, по Риду, состояла в том, чтобы она способствовала «восприятию и запоминанию» первых принципов [3, p. 281].

Формулу Золотого правила Рид включил в число первых принципов морали. Как и все нововременные философы, обсуждавшие правило, он не использовал термин «Золотое правило». Особенность позиции Рида в отношении формулы состояла в том, что он, с одной стороны, рассматривал ее в ряду других первых принципов, не выстраивая их иерархии, то есть представлял все принципы равнозначными. Поскольку это так, Золотое правило по своей значимости не должно выделяться на фоне других принципов. Однако Рид выделяет его. Он пишет: «Поскольку справедливость (equity) и обязательность этого правила поведения самоочевидны для каждого человека, у которого есть совесть, поэтому из всех правил морали оно самое всеобъемлющее и действительно заслуживающее похвалы, данной ему высшим авторитетом, то есть *законом и пророками*» [3, p. 275].

Задача этой статьи и состоит в прояснении данного утверждения Рида, или в прояснении того, какую именно роль играет Золотое правило в системе первых принципов Рида.

Томас Рид (1710–1796) – шотландский философ, известен у нас главным образом как основатель шотландской школы философии здравого смысла. Как отмечает Кнут Хааконсен, его концепция в ряде важных аспектов стала высшей точкой в развитии теории здравого смысла, начало которой было положено в рамках традиции морального чувства Энтони Эшли Купером 3-м графом Шафтсбери, Френсисом Хатчесоном, Джозефом Батлером, Генри Хоума лорда Кеймса, Джорджа Тернбулла [4, p. xi–xii]. Вклад Рида в философию не исчерпывается проработкой концепции здравого смысла. Рид известен как автор оригинальной теории восприятия, определивший его эпистемологию. Он также внес определенный вклад в эстетику и натурфилософию. На разных этапах жизни занимался исследованиями электричества, вопросами математики, оптики, астрономии, естественной истории, химии. В моральной философии его позицию характеризуют как ориентированный на агента этический интуитивизм, смысл которого состоит в представлении о рациональной природе человека, проявляющейся в его способности автономно управлять своим поведением посредством обращения к рациональным принципам действия [5]. В этом контексте Рид рассматривал рациональные принципы как первые принципы морали – самоочевидные необходимые истины, к восприятию которых способен каждый человек при том обязательном условии, что он получил достойное воспитание, свободен от предрассудков и предубежденностей, а также владеет собой, контролирует свои влечения и склонности. Теренс Ирвин особый вклад Рида в этику связывает с его концепцией воли и действия [6, p. 754]. Эту концепцию помечают как агентно-каузальную теорию свободы воли, согласно которой лишь обладающий деятельными способностями индивид является субъектом суждения, решения и поступка. При этом его деятельные способности, никакими внешними причинами, включая законы природы, не детерминированы [7]. Рид известен также как проницательный критик концепций Беркли, Джона Локка и Дэвида Юма.

У Рида нет отдельного произведения, посвященного морали, вопросы морали он анализирует в разных своих работах. В статье я опираюсь главным образом на «Опыты о деятельных способностях человека» (1788), в меньшей степени на два других издания – собранные в томе «Томас Рид о практической этике» и впервые опубликованные рукописи лекций, докла-

дов, заметок Рида, прочитанных в университете Глазго, которые хранятся в Бирквудском собрании (Birkwood Collection) библиотеки Абердинского университета, а также на «Опыты об интеллектуальных способностях человека» (1785).

«Превосходное правило нашего Божественного Учителя...»

Рассматривая Золотое правило в качестве первого принципа морали, Рид формулирует его следующим образом: «В каждом случае мы должны поступать по отношению к другому так, как мы считали бы правильным для него поступать по отношению к нам, если бы он был в наших обстоятельствах, а мы в его. Или в более общем смысле – то, что одобряем в других, мы должны делать в подобных обстоятельствах, и то, что осуждаем в других, не должны делать сами» [3, р. 274]. Это правило предполагает, что «если в поведении моральных агентов существует правильное и неправильное, то они должны быть одними и теми же в одинаковых обстоятельствах» [3, р. 274].

Главную проблему в отношении индивида с другими Рид видит в пристрастном отношении к самому себе и предубежденности против других: людям мешает понять, в чем состоит их долг перед другими, «не недостаток суждения, а недостаток объективности и беспристрастности» [3, р. 274]. Пристрастное отношение к себе, подпитанное эгоистическими страстями, избыточным себялюбием, усиливает предубежденность против других. Будучи пристрастными и предубежденными, люди используют одну меру для определения своего долга перед другими, другую – для определения долга других перед собой в аналогичных обстоятельствах. Применение Золотого правила, как считает Рид, и есть самый надежный способ преодолеть такого рода пристрастности и предубежденности, занять беспристрастную позицию. Предлагая такую трактовку правила, Рид, по существу, расширяет содержание, предполагаемое классической формулировкой в Евангелии от Матфея. У Рида правило выступает и в качестве принципа универсализуемости, и в качестве принципа честности. В моральной философии это содержание морали осмысливалось отдельно от Золотого правила. Для Рида особенно важно было то, что правило предупреждает от двойного стандарта.

Стремясь акцентировать беспристрастность и честность в отношении к другому и самому себе, задаваемые правилом, Рид обращается к образу Бога. Правило предполагает, что все люди находятся в одинаковом отношении к Богу и друг к другу как «членам великого сообщества человечества» [3, р. 274] и все обязанности, налагаемые любыми конкретными отношениями между индивидами, одни и те же для всех в одинаковых обстоятельствах. В качестве примера непредвзятого отношения, которому должен следовать человек, Рид указывает на отношение Бога к своему творению [3, р. 274]. Получается, что следовать Золотому правилу, значит относиться к другим по-божески. Беспристрастная моральная позиция достигается в результате мысленного обмена ролями, вменяемого правилом, когда моральный агент ставит себя на место другого и представляет, какого отношения к себе он хотел бы (или не хотел) в таких же обстоятельствах. Апелляция к образу Бога в трактовке Золотого правила как к стандарту отношения к Другому важна, поскольку исключает возможность интерпретаций, ассоциирующих Золотое правило с потворством произволу и склонностям. Именно так воспринимал Золотое правило Кант, противопоставляя ему категорический императив.

Правило в интерпретации Рида оказывается поистине «золотым» в том смысле, что оно охватывает все возможные отношения между людьми и даже, пусть косвенно, отношения человека к самому себе. Как известно, Кант, неправоммерно считая Золотое правило тривиальным, указывал на невозможность рассматривать его в качестве морального, поскольку оно не может быть все-

общим законом, не содержит в себе ни оснований обязанностей относительно самого себя, ни оснований обязанностей любви к другим (так как многие готовы были бы отказаться от благодеяний, лишь бы самим их не оказывать), ни оснований «повинных обязанностей» по отношению друг к другу, поскольку, например, преступник, мог использовать его в качестве аргумента против судьи [8, с. 171, 173]².

Рид же представлял это правило прямо противоположным Канту образом. По Риду, правило включает «все без исключения правила справедливости», все обязанности как в более постоянных отношениях «родителя и ребенка, хозяина и слуги, судьи и подсудимого, мужа и жены», так и во временных отношениях «богатых и бедных, покупателя и продавца, должника и кредитора, благодетеля и бенефициара, друга и врага» [3, р. 275]. Рид не объясняет, каким образом действует правило в случаях всех этих отношений. Интересно, что до него Кларк, по существу, высказывает ту же, что и Рид, мысль о том, что Золотое правило регламентирует *все* возможные отношения между людьми и приводит в качестве примера ситуацию судьи и преступника. В такого рода асимметричных отношениях важно, ставя себя на место другого, принимать во внимание не его личный интерес, ни страсть этого человека, а то, что ему «предписывает желать беспристрастный разум» [10, р. 208]. И тогда судья, принимая решение в отношении преступника, «должен исходить не из того, к желанию чего, будь он преступником, склонили бы его *страх* и *себялюбие*, а из того, *ожидание* чего *разум* и *общественное благо* заставили бы его считать пригодным и справедливым» [10, р. 208]. Тот же подход, согласно Кларку, следует применять и при выведении обязанностей во всех других асимметричных отношениях – родителей и детей, хозяев и работников, правителей и подданных, граждан и иностранцев [10, р. 208]. Эта логика вполне вписывается в рассуждение Рида о всеохватности правила. В формулировке правила, содержащейся в «Опытах о деятельных способностях человека», Рид говорит о том, что индивиду в его отношении к другому следует исходить не из того, какого отношения к себе он *хотел* бы, находясь в ситуации другого, а из того, что считал бы для себя *правильным*, находясь в его ситуации. В лекциях же по практической этике он утверждает, что для выбора поступка по отношению к другим надо исходить из того, «как мы хотели бы и считаем разумным, чтобы они поступали с нами в подобных обстоятельствах» [11, р. 47]. Рид, как и Кларк, формулируя Золотое правило, в качестве основания для определения поступков или отношения к другому, указывает не на желание, а на разумное суждение, на то, что люди считают правильным. Поэтому как против интерпретации Золотого правила Кларка, так и Рида не действовало бы возражение Канта о том, что Золотое правило предписывает исходить из субъективных предпочтений индивида, принимающего решение. Вместе с тем понимание того, что Золотое правило задает объективный стандарт для суждений, решений и поступков в отношении другого, стало основанием для сомнения у некоторых философов в его самоочевидности. В частности, такое сомнение высказывает Готфрид Вильгельм Лейбниц, замечая, что правило нуждается «не только в доказательстве, но и в разъяснении» [12, с. 93]. И если правило имеет в виду не просто волю, а справедливую волю как основание суждения, решения и поступка, то правило «не только не может служить мерилom, но само нуждается в таком» [12, с. 93].

Касательно распространения действия Золотого правила на все возможные отношения, в частности на те, примеры которых привел Рид, существует вполне резонное возражение, согласно которому все эти отношения регулируются иначе. Золотое правило говорит о том, как поступать по отношению к *незнакомому* другому, о потребностях и нуждах которого моральный

²Интересно, что Генри Сиджвик воспринял формулу универсализации Канта именно как рациональную, убедительную для человеческого разума форму Евангельского Золотого правила [9, р. xix].

субъект, задающийся вопросом, как ему следует поступить, ничего не знает. Например, родителям не надо применять Золотое правило, чтобы понимать, как вести себя по отношению к своему ребенку. Они руководствуются заботой и любовью, а не Золотым правилом. А судья должен принимать решение, следуя нормам закона, а не Золотому правилу. Возможно, Рид стремился подчеркнуть основополагающий характер Золотого правила как первого принципа морали и по этой причине представил сферу его действия как, по существу, безграничную. Однако, думается, Рида можно интерпретировать и иначе. Золотое правило – это и в собственном смысле слова правило, которое моральные субъекты применяют в конкретных ситуациях. В этом случае данное возражение имеет силу. Но Золотое правило – это также критерий моральных отношений. Скажем, если родители в своем отношении к ребенку навязывают ему собственное представление о его благе, пытаясь воплотить в ребенке нереализованные мечты и не прислушиваясь к его потребностям (желаниям, способностям, талантам), они не просто несостоятельны в своей заботе, но их поведение по отношению к ребенку к тому же противоречит морали, нарушает принцип Золотого правила. То же можно сказать и об отношении судьи к подсудимому в случае, когда, формально исполняя закон, он, например, назначает более (или менее) серьезное наказание из предусмотренных статьей, по которой подсудимого судят, следуя своему пристрастному отношению. И в этом случае судья, даже не нарушая закон с формальной точки зрения, поступает нечестно – не только вопреки своему предназначению как судьи, но и вопреки Золотому правилу. Иными словами, в той мере, в какой мораль пронизывает любые отношения между людьми, эти отношения должны соответствовать принципу Золотого правила.

Рид убежден и в том, что Золотое правило в равной мере распространяется и на отношение человека к самому себе, причем без «всякой натяжки»: ведь если каждый человек одобряет в других добродетели благоразумия, умеренности, стойкости и самообладания, он должен понимать «что то, что правильно в других, должно быть правильным в нем самом в подобных обстоятельствах» [3, р. 275]. Имеет силу и обратное: если человек негодует в случае нанесения вреда его личности, собственности, доброму имени и пр., то, поступая так по отношению к другим, он «выносит приговор против себя» [3, р. 275].

Конечно, Золотое правило не регламентирует отношение индивида к самому себе непосредственно, его предмет – межиндивидуальные отношения, оно задает межсубъектный критерий правильного действия или оценки³. В случае же обязанностей самоуправления Другой отсутствует и Золотое правило здесь вроде бы неуместно. Рид же считает, что *косвенно* правило предполагает, что, одобряя или осуждая поступки других, индивид должен осознавать, что его положительные или отрицательные оценки должны иметь универсальное основание и, вынося их, он всегда должен примеривать эти оценки на самого себя, не делая для себя никаких исключений. Одобряя поступки других, он понимает, что в подобных обстоятельствах должен поступать так же, а осуждая, – что и сам подлежит осуждению в случае совершения подобного поступка. Соотнесенность с Другим, в трактовке Рида, оказывается основой суждения в отношении Другого и тем самым – в отношении самого себя. Здесь перед нами логика, схожая с той, что описывал, обсуждая человеческие поступки, Аристотель: «...Считается, что какие насмешки не стесняются выслушивать, такие и сами говорят» [14, с. 142]; «... Что человек сам делает, за то, как говорится, он не взыщет с ближних, из чего следует, что чего он сам не делает, за то, он, очевидно, взыщет» [15, с. 86]⁴. В случае последнего высказывания логика Рида обратна логике Аристотеля: индивиду

³ Идею о том, что Золотое правило задает межсубъектный критерий правильного (достойного действия), высказал и развивает Р.Г. Апресян. [13, с. 117–123].

⁴ Анализ этого фрагмента (см.: [16, с. 160]).

легче понять, что в поступках других ему нравится или не нравится, в случае незаинтересованности он хорошо различает добро и зло в поведении других. Золотое правило требует применять те же оценки в отношении себя самого в подобных обстоятельствах. У Рида Золотое правило оказывается, в частности, своеобразным правилом универсализации основания суждения, решения, поступка, и его особенность состоит в том, что универсализация (преодоление субъективности) здесь осуществляется через ориентацию на Другого, через соотнесенность с ним⁵.

Золотое правило в трактовке Рида также охватывает совершенные и несовершенные обязанности: помимо обязанностей справедливости, «все обязанности милосердия и гуманности, даже вежливости и хороших манер» [3, р. 275]. К совершенным обязанностям он относит прежде всего обязанности не наносить вред индивиду в виде увечий или убийства, а также его семье, его свободе, репутации, собственности, не нарушать заключенные с ним контракты или сделки [3, р. 312]. В «Лекциях по практической этике» Рид перечисляет несовершенные права, удовлетворение которых вменяется Золотым правилом в качестве соответствующих обязанностей: на общение и вежливое обращение, на такое проявление человечности со стороны других, которое ничего другим не стоит, в случае бедствия – на оказание услуг, требующее существенных усилий, а также на все проявления человечности, доброты и великодушия, которые соответствуют их достоинству, уникальности и нашим способностям, на благодарность тех, кому мы оказали услугу. Рид замечает, что поскольку «восхитительное правило нашего Божественного учителя» выражает абсолютное соответствие несовершенным правам человека [17, р. 46–47], оно тем самым имплицитно включает и все правила справедливости. Интересно, что Кларк, который так же, как и Рид, распространил действие Золотого правила на все возможные человеческие отношения, как симметричные, так и асимметричные, связывал правило исключительно с требованиями справедливости, отделив его от благожелательности и тем самым ограничив сферу его действия. Долг человека, согласно Кларку, состоит в том, «чтобы мы обращались с каждым человеком так, как в подобных обстоятельствах мы могли бы разумно ожидать, чтобы он обращался с нами», и в том, чтобы «мы стремились посредством универсальной благожелательности добиваться благополучия и счастья всех людей. Первая часть правила – справедливость, вторая – любовь» [10, р. 207].

В интерпретации Рида Золотое правило охватывает всю мораль, все ее содержание, за исключением обязанностей благочестия. Вся сфера человеческих отношений, все виды обязанностей, связанных с человеческими отношениями, определяются Золотым правилом. Если это так, какое же место занимает Золотое правило в системе других первых принципов Рида?

Система морали

Как следует из содержания рассуждения «О морали», структура морали в представлении Рида включает систему первых принципов и систему обязанностей. В «Опыте об интеллектуальных способностях человека» Рид описывает первые принципы как изначально очевидные для каждого человека положения, которые могут называться по-разному: аксиомы, принципы здравого смысла, общие представления, самоочевидные истины. «Цицерон, – пишет Рид, – называл их *natura judiciorum, iudicia communibus, hominem sensibus infixa*, а Шафтсбери выражал их как “естественное знание”, “фундаментальный разум”, “здравый смысл” (*commonsense*)» [17, р. 452–453] (или общий смысл, общее чувство). В «Опыте о деятельных способностях человека» Рид указывает на природу первых принципов: первые принципы в любой сфере пред-

⁵ Об особенностях Золотого правила как принципа универсализации (см.: [13, с. 118–119]).

ставляют собой требования естественных способностей человека. В случае морали они представляют собой требования моральной способности, или совести [3, р. 178–179]. Можно сказать, что первые принципы морали, по Риду, это интуитивные положения не только в том смысле, что они самоочевидны, но и в том, что непроеизводны, изначальны, и из них выводят в соответствии с правилами рассуждения все другие суждения. Объясняя свой выбор первых принципов, Рид ссылается на два аргумента: во-первых, выделенные принципы казались ему интуитивно очевидными, во-вторых, если даже эти принципы можно вывести один из другого, их невозможно вывести из других, более очевидных, принципов [3, р. 276].

По замыслу Рида первые принципы и ключевые обязанности должны соотноситься друг с другом. Как говорилось выше, с его точки зрения, первые принципы должны быть такими, чтобы из них можно было бы вывести всю систему поведения и благодаря им любой человек мог бы понимать, в чем состоит его долг в конкретных обстоятельствах. Первые принципы – неперемное условие любого морального рассуждения, а это, по Риду, такое рассуждение, которое ведет к обоснованному выводу о том, что действие является добрым, злым или безразличным [3, р. 177]. Любое полученное в результате морального рассуждения суждение сводится к такому выводу. Первые принципы морали должны быть также такими, чтобы они служили обоснованием системы обязанностей [3, р. 281].

Рид выделяет первые принципы, которые относятся к добродетели вообще, а также к конкретным разновидностям добродетели или к сравнению добродетелей там, где кажется, что они сталкиваются [3, р. 270–271]. Первые принципы, относящиеся к добродетели в общем смысле, представляют собой следующие положения: 1) некоторые вещи в поведении человека заслуживают одобрения и награды, другие осуждения и наказания, и различные степени одобрения или осуждения относятся к различным действиям; 2) то, что ни в какой степени не является добровольным, не может заслуживать ни морального одобрения, ни осуждения; 3) то, что совершено в результате неизбежной необходимости, может быть приятным или неприятным, полезным или вредным, но никогда не может быть предметом морального одобрения или осуждения; 4) люди могут быть в высшей степени виновны как в том, что они не совершили то, что должны были совершить, так и в том, что они совершили то, чего не должны были совершать; 5) мы должны использовать всевозможные средства, чтобы всесторонне и глубоко понимать свой долг, относясь с серьезным вниманием к моральным наставлениям, наблюдая, что мы одобряем и что не одобряем в других людях, кто бы это ни был, спокойно и беспристрастно размышляя о своем собственном поведении с целью понять, что в нем было правильного и неправильного и что в нем могло бы быть лучше, обдумывая свое будущее поведение, насколько возможно предвидеть его последствия и следуя глубоко укорененному в нашем сознании принципу, который состоит в том, что как моральное совершенство является подлинным достоинством и славой человека, так и знание долга для каждого человека в любых жизненных обстоятельствах является самым важным знанием; 6) самая серьезная наша забота должна заключаться в исполнении долга в той мере, в какой мы знаем о нем, и в укреплении нашего разума против любого искушения уклониться от него... [3, р. 271] К принципам, относящимся к конкретным разновидностям добродетели, Рид причислил, в частности, следующие: а) мы должны предпочитать большее благо, хотя и более отдаленное, меньшему, и меньшее зло большему; б) поскольку в конституции человека проявляется замысел природы, мы должны соответствовать этому замыслу и действовать в соответствии с ним; в) ни один человек не рождается только для себя. Поэтому каждый человек должен считать себя членом сообщества человечества и более частных сообществ, таких как семья, друзья, страна, и совершать как можно больше добра и как

можно меньше вреда для тех сообществ, частью которых он является [3, p. 272–274]; г) формула Золотого правила; д) для каждого человека, который верит в существование, совершенство и провидение Божье, очевидна необходимость почитания и подчинения ему [3, p. 276].

Многие исследователи обращают внимание на тот очевидный факт, что в формулировках Рида первые принципы не являются самоочевидными, что набор первых принципов вовсе не составляет систему, напротив, скорее представляют собой мешанину разнородных положений [5; 7; 18, p. 105]. С этим едва ли можно не согласиться. Самая существенная критика в отношении первых принципов морали состоит в том, что из этих принципов нельзя вывести ни отдельных поступков, ни системы поведения в целом, а именно в этом Рид видел их главное предназначение. Моральный философ едва ли может вывести обязанность быть стойким, умеренным или любую другую обязанность из списка Рида, апеллируя к принципу, согласно которому люди могут быть в высшей степени виновны в том, что они не совершают то, что должны совершить, и совершают то, чего совершать не должны, он также не может вывести эту обязанность, апеллируя к любому другому, выделенному Ридом, принципу. Руководствуясь этим принципом, индивид едва ли может принять решение, как ему действовать в конкретных обстоятельствах. Дополнительную путаницу вносят и утверждения самого Рида о том, что моральные суждения, как общие, так и частные, непосредственны, они, как правило, не требуют рассуждения и выведения. Если человека не сбивают с правильного пути страсти, предубеждения и предрассудки, он всегда ясно понимает, в чем состоит его долг в конкретной ситуации: он «и без применения рассуждения редко будет сталкиваться с трудностями при различении добра и зла в своем поведении» [3, p. 280]. Получается, что для принятия решения о поступке, для вынесения суждения не нужны ни рассуждение, ни общие и тем более первые принципы, на которые бы это суждение опиралось.

Теренс Кюнио, анализируя систему первых принципов Рида, во многом разделяя критику со стороны других исследователей, пытается выявить роль этих принципов, которую сам Рид явно не проговаривает, но которая предполагается его рассуждениями и, по крайней мере, не противоречит им. Утверждая, что из первых принципов невозможно вывести ни систему обязанностей, ни конкретные суждения и решения, Кюнио полагает, что первые принципы не имеют самостоятельного значения, а формулируются в отношении ключевых обязанностей, которые он называет моральными принципами первого порядка в отличие от первых принципов морали Рида. В качестве таких принципов Кюнио рассматривает обязанности справедливости, особенность которых в трактовке Рида состоит в том, что в случае конфликта с другими обязанностями, например щедростью или благодарностью, обязанности справедливости их отменяют. Обязанности справедливости соотносятся с большинством предложенных Ридом первых принципов. Первые принципы морали предписывают моральным агентам знать именно эти обязанности всесторонне и глубоко, именно их всегда иметь в виду, именно об их исполнении заботиться самым серьезным образом [18, p. 107].

Другое предположение Кюнио в отношении возможной роли первых принципов морали у Рида состоит в том, что они задают «*границы* компетентного морального мышления» [18, p. 111]. Кюнио находит подтверждение этому предположению у самого Рида, в том числе и в разъяснении на примере Золотого правила. Рид пишет: «Первый принцип морали состоит в том, что мы не должны поступать по отношению к другому так, как мы считаем неправильно было бы поступить по отношению к нам в подобных обстоятельствах. Если человек не способен понять это..., он не является моральным агентом» [3, p. 177–178]. Этому человеку можно попытаться показать, что следование этому первому принципу соответствует его интересам и он бу-

дет поступать в соответствии с принципом по этой причине, однако его невозможно убедить в том, что его моральный долг состоит в совершении поступков, соответствующих этому принципу. В «Опыте об интеллектуальных способностях человека» Рид развивает подобную мысль относительно роли первых принципов морали: «Как нельзя рассуждать о математике с человеком, который отрицает аксиомы, так же мало можно рассуждать с человеком о морали, который отрицает первые принципы морали. Человек, который при свете своего собственного ума не воспринимает некоторые вещи в поведении как правильные, а другие как неправильные, так же неспособен рассуждать о морали, как слепой о цвете. Такой человек, если он вообще когда-либо существовал, не был бы моральным агентом и не был бы способным исполнять моральные обязанности» [17, р. 551–552]. Иными словами, первые принципы морали конституируют моральное сознание и мышление индивида. Индивид не может морально мыслить, одновременно не утверждая эти принципы. Если этого не происходит, он не совершает ошибки, которую впоследствии может осознать и исправить, он просто не способен ни к моральному мышлению, ни к моральным поступкам, которыми это мышление непременно оборачивается.

Показывая конститутивный характер первых принципов морали Рида для морального мышления, Кюнио полностью отказывается им в возможности управлять поступками человека или обосновывать каким-либо образом моральные решения. Это относится не только к принципам, касающимся «добродетели вообще», но и к принципам, «касающимся разновидностей добродетели» (кроме принципа благочестия). Кюнио настаивает, что принципы Рида не могут играть обосновывающей роли, подобной роли категорического императива Канта или принципа полезности Милля. И категорический императив, и принцип полезности, как считает Кюнио, выполняют три ключевые роли: во-первых, они обосновывают обязанности первого порядка – такие как, например, обязанности справедливости. Во-вторых, опираясь на эти принципы, можно принимать решения относительно конкретного поступка. В-третьих, убежденность в моральной значимости категорического ли императива или принципа полезности является также основанием для убежденности моральных субъектов в том, что у них есть обязанности первого порядка, поскольку они определяются этими принципами. Ни одну из этих ролей, по убеждению Кюнио, первые принципы морали Рида играть не могут [18, р. 109]. Имеют ли эти утверждения силу в отношении версии Золотого правила Рида? Для Кюнио это, безусловно, так. Обращаясь к формулировке правила Ридом, согласно которой мы должны поступать по отношению к другому так, как мы считаем правильным для него поступать по отношению к нам в подобных обстоятельствах, он утверждает, что пока мы не знаем, каким является то правильное действие, которые другие должны совершать по отношению к нам, мы не можем узнать, как относиться к другим [18, р. 105]. Однако, по убеждению Рида, напротив, по своему опыту индивид всегда знает, какое действие в отношении него самого будет правильным и неправильным. «Люди, – пишет Рид, – достаточно проницательны, чтобы понять, что другие должны им. Когда их обижают или плохо с ними обращаются, они сознают это и чувствуют негодование» [3, р. 274–275]. Это правило, согласно Риду, позволяет ясно отличить в поведении правильное от неправильного, и если человек неуклонно следует этому правилу, он никогда не собьется с пути, ему может помешать лишь ошибка в суждении [3, р. 276]. Интересно и то, что Рид соотносит правило с некоторыми другими первыми принципами, касающимися добродетели в целом, а именно – с принципом, вмещающим использовать «все возможные средства, чтобы всесторонне и глубоко понимать свой долг и делать его исполнение предметом самой серьезной заботы» [3, р. 276]. Поэтому ошибки человека, следующего правилу, будут такими, избежать которых в силу обстоятельств невозможно. Поскольку Рид интерпретирует правило таким

именно образом, едва ли данное возражение Кюнио имеет силу. В контексте рассуждений Рида и в его версии Золотого правила последнее вполне может служить основанием конкретного суждения, решения и поступка. В нормативно-этическом плане оно отнюдь не является бессодержательным и этим отличается от принципов, касающихся добродетели вообще.

Задача определения места Золотого правила в системе первых принципов морали Рида не так проста. Систему первых принципов морали он понимает своеобразно: принципы в его трактовке не вытекают один из другого, друг друга не обосновывают. Рид сравнивает систему морали с ботаникой или минералогией, в которых предшествующие принципы не зависят в своей доказательности от предыдущих и не образуют единую последовательность, изъятие из которой одного из элементов или изменение места какого-либо из них способно разрушить достоверность всей системы, как это имеет место в геометрии [3, р. 281]. Первые принципы морали Ридом никак не иерархизированы, взаимно не соотношены. Они перечислены в определенном порядке, но порядок определяется не степенью важности, удобством восприятия и запоминания принципов. Тем не менее на основании предложенного Ридом разъяснения Золотого правила можно сделать некоторые выводы относительно того, какое место Рид отводил ему в своей системе. Это место – особенное. Во-первых, ни один из принципов Рид не охарактеризовал как правило Божественного Учителя, не осенил высшим авторитетом закона и пророков. Во-вторых, четвертый принцип в своей системе он назвал самым всеобъемлющим. Всеобъемлющий характер правила в интерпретации Рида определяется тем, что оно охватывает своим действием все возможные отношения между людьми и все виды и разновидности обязанностей – к самому себе и к другим, совершенные и несовершенные. По существу, Рид представляет формулу Золотого правила в качестве конденсированного выражения всего нормативного содержания морали. И в этом смысле Золотое правило по своему значению оказывается несопоставимым с другими первыми принципами, как бы мы его ни рассматривали: как конститутивный элемент морального мышления, определяющий «границы компетентного морального мышления», как принцип морально значимых отношений или как правило обоснования суждений, решений и поступков.

Список литературы

1. Апресян Р.Г. О появлении понятия «золотое правило» // Этическая мысль / Ethical Thought. – 2008. – № 8. – С. 194–212.
2. Уотлз Дж. Золотое правило / общ. ред. и предисл. А.А. Гусейнова; пер. и доп. прим. О.В. Артемьевой. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016. – 346 с.
3. Reid R. Essays on the Active Powers of Man / Ed. by K. Haakonssen, J.A. Harris. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. – 388 p.
4. Haakonssen K. Introduction // Thomas Reid on Practical Ethics. Lectures and Papers on Natural Religion, Self-Government, Natural Jurisprudence, and the Law of Nations / Ed. by K. Haakonssen. – Edinburgh: Edinburgh University Press. – 2007. – P. xi–lxxxix.
5. Cuneo T. Reid's Ethics [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition) / Ed. by E.N. Zalta. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/reid-ethics/> (дата обращения: 15.05.2021).
6. Irvin T. Reid: Action and Will // Irvin T. The Development of Ethics. A Historical and Critical Study. Vol. II: From Suarez to Rousseau. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 754–811.
7. Ryan N., Yaffe G. Thomas Reid [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2021 Edition) / Ed. by E.N. Zalta. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/reid/> (дата обращения: 21.05.2021).

8. Кант И. Основоположения к метафизике нравов // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках: в 4 т. Т. 3 / подг. к изд. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. – М.: Московский философский фонд, 1997. – С. 39–275.
9. Sidgwick H. *The Methods of Ethics*. 7th ed. – Cambridge; Indianapolis: Hackett Publishing Company, 1981. – 528 p.
10. Clarke S. *A Discourse Concerning the Unchangeable Obligations of Natural Religion, and the Truth and Certainty of the Christian Revelation* // *The British Moralists: 1650–1800* / Ed. by D.O. Raphael. – Oxford: Oxford University Press, 1991. – P. 191–225.
11. Thomas Reid on Practical Ethics. *Lectures and Papers on Natural Religion, Self-Government, Natural Jurisprudence, and the Law of Nations* / Ed. by K. Haakonssen. – Edinburgh: Edinburgh University Press. – 2007. – 404 p.
12. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении // Лейбниц Г.В. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. – М.: Мысль 1983. – С. 47–545.
13. Апресян Р.Г. Принцип универсальности в моральной философии Иммануила Канта // Универсальность в морали / под ред. Р.Г. Апресяна; ООО «Садра». – М., 2021. – С. 117–123.
14. Аристотель. Никомахова этика (1128a28–30) // Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 4 / пер. с др. греч. Н.Б. Брагинской. – М.: Мысль, 1983. – С. 53–294.
15. Аристотель. Риторика // Античные риторика / под ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 15–164.
16. Апресян Р.Г. Золотое правило в этике Аристотеля // Философия и этика: сб. трудов к 70-летию академика РАН А.А. Гусейнова. – М.: Альфа-М, 2009. – С. 157–170.
17. Reid Th. *Essays on the Intellectual Powers of Man. A Critical Edition* / Ed. by D.R. Brookes. – Pennsylvania: Pennsylvania University Press, 2002. – 651 p.
18. Cuneo T. Reid on the First Principals of Morals // *Canadian Journal of Philosophy*. – 2014. – Vol. 41, no. SI. – P. 102–121.

References

1. Апресян Р.Г. О появлении понятия «золотое правило» [On the emergence of the concept 'Golden rule']. *Eticheskaja Mysl' / Ethical Thought*. 2008, no. 8, pp. 194–212.
2. Wattles J. Zolotoe pravilo [The golden rule]. Eds. by A.A. Guseinov, O.V. Artemieva. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2016, 346 p.
3. Reid R. *Essays on the Active Powers of Man*. Eds. K. Haakonssen, J.A. Harris, Edinburgh, Edinburgh University Press, 2010, 388 p.
4. Haakonssen K. Introduction, Thomas Reid on Practical Ethics. *Lectures and Papers on Natural Religion, Self-Government, Natural Jurisprudence, and the Law of Nations*. Ed. K. Haakonssen. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2007, pp. xi–lxxxix.
5. Cuneo T. Reid's Ethics, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2016 Edition). Ed. E.N. Zalta, available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/reid-ethics/> (accessed 15 May 2021).
6. Irvin T. Reid: Action and Will. *The Development of Ethics. A Historical and Critical Study*. Vol. II. Oxford, Oxford University Press, 2008, pp. 754–811.
7. Ryan N., Yaffe G. Thomas Reid. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2021 Edition). Ed. E.N. Zalta, available at: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/reid/> (accessed 21 May 2021).
8. Kant I. *Osnovopolozheniia k metafizike нравов* [Groundwork of the metaphysics of morals]. *Sochineniia na nemetskom i russskom iazykakh: v 4 tomakh*. Eds. N. Motroschilova, B. Tuschling. Moscow, Moskovskii filosofskii fond, 1997, vol. 3, pp. 39–275.
9. Sidgwick H. *The Methods of Ethics*. 7th ed., Cambridge, Indianapolis, Hackett Publishing Company, 1981, 528 p.
10. Clarke S. *A Discourse Concerning the Unchangeable Obligations of Natural Religion, and the Truth and Certainty of the Christian Revelation*. *The British Moralists: 1650–1800*. Ed. D.O. Raphael. Oxford, Oxford University Press, 1991, pp. 191–225.
11. Thomas Reid on Practical Ethics. *Lectures and Papers on Natural Religion, Self-Government, Natural Jurisprudence, and the Law of Nations*. Ed. K. Haakonssen. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2007, 404 p.
12. Leibniz G.V. *Novye opyty o chelovecheskom razumenii* [New essays on human understanding]. Moscow, Mysl', 1983, pp. 47–545.
13. Апресян Р.Г. Принцип универсальности в моральной философии Иммануила Канта [The principle of universality in Immanuel Kant's moral philosophy], *Universal'nost' v morali*. Ed. R.G. Апресян. Moscow, Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'iu «Sadra», 2021, pp. 117–123.
14. Aristotle. *Nikomakhova etika* [The Nicomachean Ethics]. *Sobranie sochinenii*. Moscow, Mysl', 1983, vol. 4, pp. 53–294.
15. Aristotle. *Ritorika* [Rhetoric]. *Antichnye ritoriki*. Ed. A.A. Tacho-Godi. Moscow, Moskovskii universitet, 1978, pp. 15–164.
16. Апресян Р.Г. Золотое правило в этике Аристотеля [The Golden Rule in Aristotle's Ethics]. *Filosofiiia i etika. Sbornik trudov k 70-letiiu akademika RAN A.A. Guseinova* [Philosophy and Ethics. Collection of Works for the 70th Anniversary of Academician of Russian Academy of Sciences A.A. Guseinov]. Moscow, Al'fa-M, 2009, pp. 157–170.
17. Reid Th. *Essays on the Intellectual Powers of Man. A Critical Edition*. Ed. D.R. Brookes. Pennsylvania, Pennsylvania University Press, 2002, 651 p.
18. Cuneo T. Reid on the First Principals of Morals. *Canadian Journal of Philosophy*, 2014, vol. 41, no. SI, pp. 102–121.